

ГЛУХИЕ
(Индийская сказка из книги “Pantcha-Tantra”) ¹⁷

Недалеко от деревни глухой пастух пас свое стадо; был уже полдень, но

180

жена еще не приносила ему завтрака; пастух боялся оставить стадо и идти за завтраком. Кто знает, что бы могло случиться со стадом; между тем голод мучил бедного пастуха, и надобно было на что-нибудь решиться.

У ближнего ручья талеярий* косил траву для своей коровы. Нехотя пастух подходит к нему, ибо хотя должность этих людей и состоит именно в охране собственности от воров, но часто сами талеярии-то и суть настоящие воры.— Пастух просит сего последнего посмотреть за стадом, на время краткого его отсутствия, уверяя, что по возвращении он щедро наградит его.

Талеярий был также глух и ни полслова не понял из речи пастуховой. “Какое право имеешь ты над этой травой? — воскликнул талеярий с гневом,— разве моя корова должна умереть с голоду для того только, чтоб были сыты твои бараны? Нет! не отдам тебе этой травы; оставь меня в покое и прощай”. Сии последние слова были сопровождаемы выразительным движением руки, которое пастуху показалось обещанием сохранить его стадо. Успокоившись на сей счет, пастух поспешил к жене своей, намереваясь дать ей добрую гонку за ее нерадение.

Приблизившись к дому, он увидел жену свою на пороге дверей; в страшных судорогах каталась она по полу, от

* Имя деревенского слуги.

съеденного ею вчера большого количества сырого гороху. Необходимость помочь ей и потом приготовить самому обед задержала пастуха гораздо более, нежели как предполагал он. Со всем тем, не надеясь слишком на своего сторожа, пастух поспешил как возможно скорее возвратиться к стаду. Увидев своих баранов, пасшихся недалеко от того та, где он оставил их, пастух перечел и, нашедши их всех в целости, воскликнул: “Вот добрый человек этот талеярий! это драгоценная жемчужина из всех его сотоварищей. Я обещал ему награду; он достоин получить ее”.

В стаде была овца хромая, но, впрочем, здоровая и жирная; пастух взвалил ее на плеча и, поднеся ее к талеярию, сказал: “Ты сберег мое стадо во время моего отсутствия; вот тебе овца за труды твои”.

Талеярий, видя перед собою хромую овцу, возразил с гневом: “Что ты меня обвиняешь? разве я изломал ногу твоей овце? клянусь тебе, что со времени твоего ухода я с этого места не двигался и не думал подходить к твоему стаду”.

“Она молода и жирна,— отвечал пастух,— хотя и хромает; съешь ее во здравие с твоей семьей и друзьями”.

“Я уже тебе сказал,— возразил талеярий еще с большим гневом,— что я не подходил к твоему стаду, а ты все-таки хочешь уверить, что я изломал ногу твоей овце. Поди же прочь, говорю я тебе, или...” С этими словами талеярий замахнулся. Пастух, видя это, принял также оборонительное положение. Они уже готовы были драться, когда увидели ехавшего мимо всадника.

Есть обычай у индейцев, поссорившись, призывать всегда первого встретившегося в посредники. Пастух опрометью бросился к всаднику и, схвативши за узду его лошадь, вскричал: “Остановись, пожалуй, на одну

минуту, выслушай нас и реши, сделай милость, кто из нас прав и кто виноват: я этому человеку дарю овцу, а он за это хочет бить меня”. Талеярий с своей стороны доказывал: “Этот глупый пастух осмеливается обвинять меня в том, что у его овцы нога изломана, тогда как я и не думал подходить к его стаду”.

К несчастью, посредник был глуше и истца и ответчика и не понял ни одного слова из всего, ими сказанного. Протянув

181

руку, дабы наложить молчание, он произнес: “Признаюсь, что эта лошадь не принадлежит мне; я нашел ее брошенную на дороге; я спешу, и, чтобы скорее быть, куда мне надобно, я сел на нее. Если она принадлежит вам, возьмите ее; если нет, отпустите меня поскорее, ибо мне некогда останавливаться”.

Пастух и талеярий, вообразив каждый с своей стороны, что всадник говорит в пользу другого, принялись кричать и спорить больше прежнего, оба проклиная посредника и обвиняя его в несправедливости.

В это время проходил старый брамин; всего приличнее показалось спорившимся поручить это дело его решению; они остановили его и, говоря все трое вместе, рассказали ему причины своих жалоб; но брамин был их всех глуше. “Так! так! я вас понимаю,— воскликнул он,— она (т. е. жена его), она послала вас остановить меня и упросить воротиться домой; но вам не удастся. Вы знаете ли ее? В числе дьяволов нет ни одного, подобного ей в злости; с тех пор, как я, по несчастной судьбе моей, купил ее*, она заставила меня сделать такую тьму грехов, которой мне

* *Купить жену и жениться* суть два выражения, однозначительные у индейцев.

не очистить во сто поколений. Я иду на богомольство в Касси (Бенарес), дабы омыться в священных водах Ганга и посредством сего святого омовения получить отпущение в бесчисленных грехах, совершенных мною со времени несчастной моей женитьбы; после сего я буду скитаться по чужим землям и жить милостынею. Следственно — нечего вам толковать мне о ней; я решился, и все, что вы мне ни скажете, не убедит меня остаться в сообществе с этим бесом”.

Между тем как они говорили все вместе и кричали изо всей силы, не понимая друг друга, укравший лошадь увидел издали приближавшихся людей: приняв их за хозяев лошади, он бросился с нее долой и убежал.

Пастух, заметив, что уже становится поздно и что стадо его далеко, поспешил к нему, проклиная посредников, им избранных, восклицая, что нет более правосудия на земле, и приписывая все свои несчастия змее, которая в то время, как он выходил из овчарни, пересекла ему дорогу*.

Талеярий возвратился к накошенной траве и, нашедши возле нее хромую овцу, взвалил ее на плеча и потащил к себе, в наказание пастуху, его обидевшему.

Брамин снова пустился в путь до ближней гостиницы, где он остановился переночевать. Голод и сон утишили гнев его во время ночи; наутро пришли к нему брамины из его деревни, родственники, друзья и совершенно успокоили его, обещая употребить все средства, дабы уgomонить бранчивую жену его.

* Встретиться с змеею, которая пересекает вам дорогу, почитается очень дурною приметою у индейцев.